

О СИНОНИМИИ НА УРОВНЕ ФОРМ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В процессе взаимодействия различных языковых единиц, выражающих близкое понятийное содержание, их интеграции и дифференциации, создаются предпосылки для возникновения и развития синонимии.

Функционирование и накопление синонимических единиц оправдывается их различиями в субстанции (структуре, плане выражения), в сигнификативном и коннотативном значении (степень экспрессивности, субъективной оценки). Синонимия представляет собой неисчерпаемый арсенал выразительных средств языка, определяет его развитость, богатство, национальную специфику.

Синонимические связи и отношения пронизывают лексику и грамматику, создавая многочисленные ряды близких по смыслу морфем, слов, словосочетаний, предложений и более сложных синтаксических конструкций.

В основе синонимичности как лексико-фразеологических, так и грамматических единиц лежит диалектическое единство общего и различного, отражающее разные стороны одних и тех же явлений или отношений объективной действительности [см. 4].

Проблемы синонимии на всех уровнях — лексическом, морфологическом и синтаксическом — заслуживают самого пристального изучения, ибо именно в результате наличия в языке синонимии и омонимии зашли в тупик формальные исследования языка. «Благодаря наличию явлений синонимии и омонимии (явлений, которыми столь богат наш естественный язык) одно значение дистрибуций не обеспечивает адекватности описания языка, дистрибутивный подход должен быть дополнен семантической информацией, позволяющей распознать тождественные смыслы, скрывающиеся за разными звучаниями, и различные смыслы, скрывающиеся за одинаковыми звучаниями» [2, с. 36].

Нашей целью является исследование реляционной значимости, другими словами, синонимии форм предложения. Проблема синонимии на уровне форм предложения мало исследована, в то же время она представляет большой интерес в связи с общей тенденцией современных исследований к установлению системного характера языковых явлений.

В общей теории лингвистического моделирования одно из ведущих мест занимает синтаксическая парадигматика. Структурно-функциональный анализ форм предложения является необходимым восполнением синтаксической парадигматики, которая не может ограничиться базисными моделями.

В синонимических встречах различных по статусу парадигматических форм предложения возникают ряды предложений, которые совместимы с одним и тем же денотатом и находятся между собой в отношениях, предполагающих выбор конструкций. Различные

б) глагол — именное сочетание (с существительным или прилагательным):

We appreciated their help.

We were appreciative of their help.

She favors the idea (ib., p. 14).

Is she in favor of the idea? (ib., p. 77).

Глагольные и номинальные типы предложений образуют в функциональном синтаксисе языка перифрастические ряды, ситуативно равнозначные друг другу, представляя своего рода эквивалентную оппозицию структур, описывающих одно и то же явление действительности в разных направлениях.

В номинальных предложениях может содержаться много скрытой информации в силу валентностных связей существительных, сочетаемости их с различными адьюнктами и т. д. [см. 3].

Синонимическое сближение разных форм предложения происходит за счет фразеологизации языковых единиц — как лексической, так и грамматической:

He reprimanded me.

He gave me a piece of his mind.

Под грамматическими фразеологизмами мы подразумеваем фразовые лексемы, которые являются коррелятами парадигматических глагольных форм времени, залога и других категорий:

The weekend will present difficulties.

The weekend is going to present difficulties (Christie A. The Hollow. Fontana Books. Lnd a. Glsg, 1960, p. 5).

He has been recognized.

He has found recognition.

Грамматические фразеологизмы в системе английского глагола дают возможность обеспечить выражение различных семантических оттенков, которых лишена грамматическая форма — член оппозиции по грамматической категории [подробно об этом см. 8; 5].

К синонимическим встречам ведет метафоризация: а) лексическая:

British women launch an equal-pay campaign.

British women start an equal-pay campaign.

б) грамматическая. Примером грамматической метафоризации может служить функциональная транспозиция глагольных форм, составляющих предикативное ядро предложения: "Go on," she said, "I know something unpleasant's coming up." "I'm going to London tomorrow". "You might have told me before", she said angrily. "You know perfectly well we're haing Bob and Eva to dinner on Thursday" (Braine J. Life at the Top. Penguin Books, 1965, p. 37).

Формы Present Continuous в данных контекстуальных условиях приобретают сему будущего с оттенком намеченного запланирован-

ного действия. Противочлены оппозиции «настоящее — будущее» превращаются в смысловые эквиваленты — контекстуальные стилистические синонимы.

Функциональная транспозиция глагольных форм и возникающие в результате ее контекстуальные стилистические синонимы детально анализируются в книге Е. И. Шендельс «Многозначность и синонимия в грамматике» (М., «Высш. школа», 1970) (на материале немецкого языка) и в книге Н. Н. Раевской [8] (на материале английского языка).

Синонимические ряды возникают за счет функционально-семантического сходства различных моделей предложения, связанного с явлениями омонимии и полисемии форм предложения. $N_1 - V - N_2$ The young man shook his head (N_2 — прямое дополнение объекта). $N_1 - V - N_2$ Poirot waved an airy hand (Christie A. Murder in Mesopotamia, p. 105).

N_2 имеет объектно-обстоятельственное значение (ср.: Poirot waved his hand airily).

Источником синонимии на уровне предложения является полисемия глагола, составляющего предикативное ядро предложения.

She will make a good cake.

She will make a good wife (ср.:
She will be a good wife).

Естественно, у синонимических форм предложения не существует полного параллелизма. Дифференциация значения является обязательным условием существования в языке синонимов. Синонимы отличаются по своим дистрибутивным свойствам, сферам употребления, имеют различные сигнификативные и коннотативные значения при соотносении с одним денотатом. Обладая одинаковой значимостью (общим ядром значения), синонимы имеют разную субстанцию; обозначая одни и те же явления, связи и отношения объективной действительности, они различаются в структурном отношении и передают дополнительные оттенки [см. 9, с. 114—117].

Ввиду того что синонимия на уровне форм предложения изучена очень мало, она представляет собой широкое поле деятельности для исследователя.

Соотношение разноструктурных моделей на уровне семантики, антитеза имени и глагола, тенденция к номинализации в разных группах глаголов, шкала коннотаций при лексико-грамматических перифразах — вот лишь некоторые из проблем, которые представляют несомненный теоретический и практический интерес и требуют детального изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., «Наука», 1967. 251 с.
2. Ветров А. А. Методологические проблемы современной лингвистики. М., «Высш. школа», 1973. 95 с.

3. Григораш Г. Ф. Лексические конверсивы предложений состояния.— В. кн.: Исследования по романской и германской филологии. Киев, «Вища школа», 1975, с. 83—87.
4. Кононенко В. И. Синонимика синтаксических конструкций в современном русском языке. Киев, «Наукова думка», 1970. 141 с.
5. Куликовская Т. В. Фразовая лексема пассивного значения в современном английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Киев, 1976. 28 с.
6. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., «Вышш. школа», 1974. 155 с.
7. Раевская Н. Н. К вопросу о реляционной значимости моделей предложения.— В кн.: Исследования по романской и германской филологии. Киев, «Вища школа», 1975, с. 113—117.
8. Раевская Н. Н. Очерки по стилистической грамматике современного английского языка. Изд-во Киевск. ун-та, 1973. 143 с.
9. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933. 256 с.
10. An Appraisal of Anthropology Today. Ed. Sol Tax a. o. Chicago, 1953. 248 p.

Ю. М. ТКАЧЕНКО, канд. филол. наук

СИНТАКСИЧЕСКИЙ СТАТУС СУБСТАНТИВНОГО АДЬЮНКТА АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА

Определение синтаксического статуса слов нередко сопряжено со значительными трудностями, которые усугубляются тем, что до сих пор плохо разработана теория членов предложения. Хотя в последние годы появились весьма содержательные работы, посвященные изучению проблем синтаксической функции слов, например, кандидатская диссертация К. А. Андреевой [1], пока что, очевидно, нужно согласиться с неудовлетворительной оценкой теории членов предложения, данной Л. С. Бархударовым 10 лет тому назад [см. 2, с. 16]. Недостатки этой теории, на которые указывал Л. С. Бархударов: неопределенность понятия «член предложения», нечеткость границы между главными и второстепенными членами предложения, ненадежность критериев выделения второстепенных членов предложения [см. 2, с. 17],— не были еще устранены, однако уже можно отметить некоторый прогресс в данной области.

В лингвистической литературе приведены очень убедительные доводы в пользу того, что функцию грамматического сказуемого выполняет только глагол в личной форме, какова бы ни была степень полноты его лексического значения [см. 8, с. 225—230]. Такая точка зрения помогает четко определить, где проходит граница между сказуемым и его адьюнктами.

Нам представляется весьма ценным также указание Б. И. Роговской и Б. С. Хаймовича на то, что главным критерием для выделения второстепенных членов предложения должна служить их сочетаемость [см. 8, с. 251]. Действительно, анализ особенностей комбинаторики слов (при необходимости, с учетом возможных трансформаций данной конструкции) в большинстве случаев помогает однозначно определить их синтаксическую функцию.

Данная статья посвящена некоторым вопросам установления синтаксического статуса английского приглагольного адьюнкта, выраженного словом I функционального класса (субстантивом).

Зависимый от глагола субстантив, как известно, выполняет функцию либо предикатива, либо дополнения, либо обстоятельства, однако определения этих членов предложения, которые приводятся в лингвистической литературе, не позволяют объективно установить синтаксический статус всех компонентов глагольного словосочетания.

Возьмем, например, дополнение. В. Н. Жигadlo, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик полагают, что «дополнение — это второстепенный член предложения, который дополняет, поясняет или ограничивает чаще всего член предложения, выраженный глаголом (приглагольное дополнение), реже — член предложения, выраженный прилагательным (причастием, словом категории состояния) или существительным» [5, с. 268]. Но такое расплывчатое определение не дает возможности отграничить дополнение от других второстепенных членов предложения, которые тоже как-то дополняют, уточняют, поясняют или ограничивают слова, от которых они зависят.

Л. С. Бархударов, Д. А. Штелинг называют дополнением «приглагольный второстепенный член предложения, обозначающий предмет, непосредственно участвующий в осуществлении процесса, выраженного данным глаголом» [3, с. 339]. Примерно такое же определение дополнения дает и А. И. Смирницкий [см. 7, с. 291]. Однако есть немало случаев, когда компонент глагольного словосочетания обозначает предмет, который не принимает непосредственного участия в осуществлении процесса, выраженного глаголом (например: *He resembles his brother*), и тем не менее это слово является общепризнанным дополнением. Кроме того, трудно измерить степень участия в процессе предмета, скажем, выраженного словом *table* в таких предложениях, как: *He looked at the table. He put his bag on the table.*

Б. И. Роговская, Б. С. Хаймович относят к дополнениям именные адьюнкты объектных глаголов [см. 8, с. 258], но не указывают, куда следует отнести подобные адьюнкты безобъектных глаголов, например, в таких сочетаниях, как: *happened to him; seemed to him; worked for him.*

К. А. Андреева, посвятившая разграничению дополнения и обстоятельства специальное исследование, пришла к выводу, что важнейшими признаками, позволяющими дифференцировать дополнение и обстоятельство, являются обязательность/факультативность, возможность/невозможность для данного слова стать подлежащим соответствующей пассивной конструкции [см. 1, с. 32]. Она определяет дополнение как слово субстантивного класса (с предлогом или без него), стоящее в правой позиции по отношению к глаголу и характеризующееся ограниченной дистрибуцией (связанной с определенными глагольными подклассами), синтаксической обязательностью, способностью стать подлежащим соответствующей

пассивной конструкции, а также возможностью постановки к нему вопросов прономинального типа [см. 1, с. 64]. Обстоятельство же, по мнению К. А. Андреевой, характеризуется, главным образом, неограниченной дистрибуцией, факультативностью и неспособностью стать подлежащим пассивной конструкции [см. 1, с. 135]. Однако анализ глагольных словосочетаний вынуждает К. А. Андрееву признать наличие в английском языке факультативных дополнений и обязательных обстоятельств, конструкций с дополнениями, которые не имеют пассивных трансформ, и конструкций с обстоятельствами, которые подвергаются пассивной трансформации. Поэтому ей приходится говорить о смежных, промежуточных случаях и вводить термин «квазидополнение» для тех дополнений, которые не охватываются ее определением дополнения.

Не отрицая принципиальной возможности нейтрализации различий между дополнением и обстоятельством [см. 6, с. 215], наличия контаминационных явлений в структуре предложения, мы все же склонны считать, что случаев переходных, синкретических наблюдается сравнительно мало. Отличать же дополнения от обстоятельств следует не по их обязательности/факультативности и способности/неспособности участвовать в пассивной трансформации, а по каким-то признакам, которые являются общими для слов, выполняющих определенную синтаксическую функцию. Анализ структуры и семантики глагольных словосочетаний показывает, что именные адьюнкты глагола бывают трех типов.

Адьюнкты I типа сочетаются в основном с глаголами-связками, например: *You are so big and you are a gentleman* [10, с. 30]. Адьюнкты этого типа выполняют функцию предикатива и с формальной стороны характеризуются употреблением в приглагольной позиции III функционального класса слов, т. е. они либо выражены, либо могут быть замещены прилагательным без нарушения грамматичности конструкции. По своей семантической структуре предикатив, выраженный существительным, имеет некоторое сходство с существительным-подлежащим, так как они оба принадлежат к одному подклассу (либо одушевленных, либо неодушевленных существительных). Предметы, выраженные существительными в функции подлежащего и предикатива, обычно являются предметами одного ранга и имеют одного и того же референта в объективной действительности. Поэтому между словами, обозначающими эти предметы, можно поставить знак равенства, например: *John became a teacher. John = a teacher*. Эта особенность предикатива не является обязательной только для адьюнкта глаголов *appear, look, seem*, лексическое значение которых позволяет употреблять при них в функциях подлежащего и предикатива существительные разных подклассов, например: *That man looks like a barrel, he's too stout*.

Иногда предикативы встречаются в сочетании с глаголами, имеющими адвербиальную направленность действия (т. е. требующими употребления какого-либо обстоятельства). Такие словосочетания могут быть трансформированы в две глагольные конструкции, одна

из которых содержит глагол-связку, например: He had come home a good person [10, с. 35] → He had come home and he was a good person.

Адьюнкты глагола второго типа, выполняющие функцию дополнения, характеризуются в первую очередь тем, что они выражены словами I функционального класса и их нельзя заменить словами других функциональных классов (герундий и инфинитив в функции дополнения рассматриваются здесь как слова I функционального класса). Подлежащее и зависимый компонент такого типа могут обозначать предметы разного ранга, т. е. существительные, выражающие их, могут принадлежать к разным подклассам, поэтому проба на подстановку существительного другого подкласса позволяет формальным путем отделить дополнение подавляющего большинства объектных глаголов от дополнения всех глаголов-связок, кроме *appear, look, seem*. Ограничения на применение данной подстановки накладываются лексическим значением некоторых глаголов (например, значение глагола *talk* исключает возможность употребления при нем неодушевленных существительных в функции подлежащего и дополнения).

Дополнения встречаются преимущественно в сочетании с объектными глаголами, но иногда они наблюдаются также в конструкциях глаголов-связок, например: The situation seemed to us quite hopeless [9, с. 101], и глаголов с адвербиальной направленностью действия, например: He picked the men and women who *worked for him with searching care* [11, с. 7].

Вопреки мнению К. А. Андреевой [см. 1, с. 32], синтаксическая обязательность и способность стать подлежащим соответствующей пассивной конструкции не являются универсальными признаками дополнения. Дополнения глаголов-связок всегда факультативны. Факультативными бывают и дополнения других глагольных групп. Например, в предложениях: He appealed to the judge for mercy; She talked to her friends about her children — можно опустить одно из дополнений (конечно, вместе с относящимися к нему зависимыми словами), не нарушив структурных характеристик и значений остальных элементов конструкций, что, несомненно, свидетельствует о факультативности опущенных дополнений. В предложениях: A great misfortune befell the man; This house belongs to his father дополнение не может быть трансформировано в подлежащее пассивной конструкции. Следовательно, данные признаки можно учитывать лишь при классификации самих дополнений, которые могут быть разделены на обязательные и факультативные, трансформируемые и нетрансформируемые, но их нельзя использовать для отграничения дополнения от обстоятельства.

Глагольные адьюнкты III типа, выраженные субстантивом и выполняющие функцию обстоятельства, характеризуются способностью замещаться словами IV функционального класса (наречиями) и возможностью постановки к ним вопросов адвербиального типа, например: He stood on the curb [10, с. 15] → He stood there → Where did he stand?

Если проведение данных трансформаций представляется затруднительным, следует проанализировать семантическую структуру глагольного словосочетания. Возьмем, например, предложение *The lesson came to an end*. Мы не можем заменить сочетание *to an end* наречием, не можем поставить к нему вопрос адвербиального типа. Однако, как отмечает А. И. Гурская [см. 4, с. 12], глаголам, обозначающим определенные формы движения материи в пространстве, свойственно также обозначать ее движение во времени, т. е. изменение состояния предметов. Анализ семантической структуры приведенного выше предложения позволяет установить, что глагол выражает здесь ориентированное движение к определенной точке во времени (к концу процесса). Следовательно, различие в семантике глагола в предложениях: *Mr. Brown came to London last year*; *The lesson came to an end* — заключается в том, что в первом предложении глагол обозначает ориентированное движение к определенной точке в пространстве, а во втором — к определенной точке во времени. И если адьюнкт глагола первого предложения обладает всеми признаками обстоятельства, совершенно очевидно, что адьюнкт глагола второго предложения выполняет ту же самую синтаксическую функцию.

Суммируя сказанное выше, мы можем сделать следующие выводы: 1. Субстантив выступает в предложении в роли трех глагольных членов: предикатива, дополнения и обстоятельства. 2. Синтаксический статус субстантива — зависимого компонента глагольного словосочетания — можно установить с помощью учета сочетательных, дистрибутивных свойств данного слова, а также путем анализа семантической структуры глагольной конструкции. 3. Функцию предикатива выполняет приглагольный зависимый субстантив, который сочетается с глаголом-связкой или с глаголом адвербиальной направленности действия, может быть замещен словом III функционального класса и обычно принадлежит к тому же подклассу слов, что и подлежащее данного предложения. 4. Дополнением служит зависимый от глагола субстантив, который нельзя заменить словами III или IV функционального класса. Дополнение может обозначать предметы иного подкласса, чем подкласс предмета, выраженного подлежащим того же предложения. 5. В качестве обстоятельства выступает субстантив, который (вместе с относящимися к нему зависимыми словами) может замещаться наречием и допускает подстановку к нему вопроса адвербиального типа.

В заключение необходимо отметить, что данная статья ни в коей мере не претендует на исчерпывающее освещение проблемы определения синтаксического статуса субстантива, употребленного в предложении в качестве адьюнкта глагола. Здесь была сделана только попытка указать на возможные пути окончательного решения этой проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева К. А. Разграничение дополнения и обстоятельства в современном английском языке. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1970. 180 с.
2. Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. М., «Высш. школа», 1966. 200 с.
3. Бархударов Л. С., Штелинг Д. А. Грамматика английского языка. М., Изд-во лит. на иностр. языках, 1960. 420 с.
4. Гурская А. И. Семантическая структура английских бифункциональных глаголов to go, come, get, run, fall. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Львов, 1975. 26 с.
5. Жигадло В. Н., Иванова И. П., Иoffик Л. Л. Современный английский язык. М., Изд-во лит. на иностр. языках, 1956. 350 с.
6. Ильиш Б. А. Строй современного английского языка. Л., «Просвещение», 1971. 366 с.
7. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., Изд-во лит. на иностр. языках, 1957. 286 с.
8. Хаймович Б. С., Роговская Б. И. Теоретическая грамматика английского языка. М., «Высш. школа», 1967. 298 с.
9. Хорнби А. С. Конструкции и обороты современного английского языка. М., Учпедгиз, 1960. 336 с.
10. A b r a h a m s P. T h e P a t h o f T h u n d e r. M., Foreign Languages Publishing House, 1954. 296 p.
11. C h a s e J. H. Hit and Run. London, Panther Books, 1969. 187 p.

Н. Ю. ФИЛИНА

К ПРОБЛЕМЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТГЛАГОЛЬНОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И GERUNДИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Вербиды (нефинитные формы глагола) составляют важную часть грамматической системы современного английского языка. Их двойственная грамматическая природа, вербальная и номинальная (или адвербиально-адъективная), и их широкое использование в различных предикативных конструкциях детально описаны в лингвистической литературе. Однако до сих пор проблема статуса неличных форм глагола и, в частности, герундия не может считаться решенной.

Не имея возможности подробно остановиться в рамках настоящей статьи на более широком вопросе о месте вербидов в грамматическом строе современного английского языка, укажем лишь основные теории вербидов. Так, вербиды в целом рассматриваются: а) как класс слов, занимающий промежуточное положение между глаголом и существительным [см. 14; 15]; б) как подсистема в границах глагола [см. 10]; в) как компонент отдельной категории, категории репрезентации [см. 9; 11] или финитности [см. 2]. Что же касается интересующей нас микросистемы герундия, то и она является объектом дискуссий. Некоторые исследователи не различают отглагольное существительное и герундий [см. 12]; герундий и причастие I растворяются в так называемом verbal-ing [см. 4; 13]; герундий и причастие I дифференцируются как самостоятельные единицы только на синтаксическом уровне [см. 2].

Как отмечено выше, некоторые авторы не видят существенного различия между герундием и отглагольным существительным. В частности, еще О. Есперсен считал, что герундий может иметь форму множественного числа, употребляясь с определенным и неопределенным артиклями и т. д. Эта точка зрения была подробно рассмотрена Б. А. Ильишем [см. 6] и другими авторами, и поэтому мы не будем на ней останавливаться.

Растворение герундия и причастия I в лишенном качественной грамматической определенности *verbal-ing* представляется нам спорным, ибо значение, комбинаторика, функциональные характеристики герундия и причастия I во многом различны, хотя едва ли можно отрицать, что встречаются случаи, где различие между этими глагольными формами нейтрализовано или, по крайней мере, правомерно различное толкование вербидной формы (напр.: *I am afraid of Mary coming*).

Мы не можем согласиться и с точкой зрения, согласно которой герундий (как и все вербиды) относится к классу слов, занимающему промежуточное положение между глаголом и существительным, так как вербиды характеризуются специфическими грамматическими признаками глагола, прежде всего парадигматическими и комбинаторными. Они обладают двумя вербальными грамматическими категориями (залога и таксиса), которые, по крайней мере в индоевропейских языках, не свойственны никакой другой части речи, кроме глагола. Решающим вербальным признаком является и их способность присоединять существительное (или его эквивалент) в общем падеже, функционирующее как прямое дополнение.

Некоторые грамматисты придерживаются того мнения, что вербиды составляют подсистему в системе глагола. Признавая справедливость этой точки зрения в общем плане, видим ее уязвимость в том, что она не дает ответа на вопрос: каков категориальный статус этой подсистемы? Каково ее отношение к другим категориям глагола как целого? Кроме того, неясной остается природа группы морфем *-ing*, *-ed*, *-en*, *to*.

Мы считаем герундий самостоятельной микросистемой, образующей вместе с другими вербидами член сложной оппозиции «финитный глагол — вербиды», которая обозначается различными терминами — «категория репрезентации», «категория финитности», — отражающими различную интерпретацию содержания этой категории.

Мы придерживаемся точки зрения проф. А. И. Смирницкого, согласно которой вербиды противопоставляются личным (финитным) формам глагола как компоненты оппозиции «личный глагол — неличный глагол» (*finites — verbs*). Категория, представленная такими оппозициями, очень сложная. В отличие от категорий вида, залога и таксиса она представлена не в оппозиции индивидуальных единиц, таких, как *writes — is writing*, *writes — is written*, *writes — has written*, но, как и наклонение, проявляется в оппозиции ряда или систем единиц. Оппозицией категории, которую проф.

А. И. Смирницкий называет категорией репрезентации, является оппозиция подсистем личных (финитных) форм глагола, выражающих «чистый» процесс, подсистеме неличных (нефинитных) форм глагола, где процесс осложнен другими (предметными или «признаковыми») характеристиками. Такая интерпретация помогает избежать ряда трудностей, которые нельзя преодолеть другим путем. Вербидные морфемы -to, -ing, -ed, -en вполне закономерно рассматриваются как грамматические, так как они участвуют в выражении грамматического значения «нечистого» процесса, отягощенного дополнительными значениями, — предметными или качественными. Это свидетельствует о том, что система грамматических категорий включает категории различной сложности, среди которых категория репрезентации является наиболее сложной в системе глагола и, следовательно, наиболее сложной в морфологии в целом. Отступление от основной темы нам необходимо для определения места герундия как компонента категории репрезентации в системе глагола.

В настоящей работе мы хотим дополнительно обосновать правомерность дифференциации герундия от отглагольного существительного и причастия I, что должно быть обязательным условием определения места герундия в системе глагола. О том, что эта проблема не утратила актуальности, свидетельствует, например, статья К. З. Плоткиной [см. 8]. Автор касается вопроса о взаимоотношениях окказиональных имен действия (ОИД) — отглагольных существительных по традиционному определению — с герундиями, которые «представляют наибольший интерес для описания границы между существительными и глаголами в современном английском языке с позиций полевой теории частей речи». По мнению автора, между ОИД и герундиями нет существенных функциональных и семантических различий. Действительное различие между ними, по мнению Плоткиной, заключается не в наличии или отсутствии глагольных свойств, а в удельном весе глагольных и именных свойств в характеристике обоих образований. В заключение автор пишет: «Характерные черты их (герундиев и ОИД. — Н. Ф.) взаимоотношений — семантическое тождество на основе ядерного значения глагола, общность именных функций, свободный переход герундиев в ОИД и обратно, продолжающееся употребление промежуточных форм — позволяют видеть здесь не застывшую границу между двумя частями речи, а область их широкого взаимопроникновения. ОИД и герундий можно рассматривать как *единое явление в двух вариантах — субстантивированном и несубстантивированном* (выделено нами. — Н. Ф.). Оба варианта имеют двойственную природу, в которой совмещены глагольные и именные свойства; при субстантивации именные свойства усиливаются, а глагольные ослабляются, но не исчезают полностью. Таким образом, перед нами общий сегмент двух полей — поля существительного и поля глагола» [8, с. 89]. Фактически граница между отглагольным существительным и герундием оказалась стертой.

Следует сказать, что в пользу трактовки, изложенной Плоткиной, говорит помимо формального сходства отглагольного существительного и неперфектного герундия действительного залога, присущая обоим образованиям сема процессуальности, возможность позиций, в которых при отсутствии специфической сочетаемости дифференциация отглагольного существительного и герундия невозможна, а различие между ними, по существу, нейтрализуется, например: *Reading is useful*. Однако несмотря на такую возможность, отглагольное существительное и герундий являются не единым явлением в двух вариантах, но качественно различными образованиями, относящимися к разным частям речи.

В практических и теоретических трудах давно описан ряд признаков, дифференцирующих герундий и отглагольное существительное: артикль, множественное число и адъективное определение как признаки отглагольного существительного, их отсутствие и глагольные маркеры залога, перфекта, возможность прямого дополнения и наречного обстоятельства как признаки герундия [см. 12, с. 151—152; 13, с. 276—277; 14, с. 213, 222—223; 15, с. 185].

Помимо этих традиционно упоминаемых признаков мы хотим выделить такие, которые, по-видимому, не были использованы ранее для дифференциации отглагольного существительного и герундия и оказываются действительными и для дифференциации герундия и причастия I. К дополнительным дифференцирующим признакам отглагольного существительного можно отнести его свободную трансформацию в компонент сложного слова с внутренней объектной связью с препозицией объектного элемента, что нетипично для герундиальных образований. Например: *Decision-making handed over to the Eurocrats in Luxembourg so that Britain no longer has power over steel-making and prices* (*Morning Star*). При использовании герундия препозиция существительного со значением прямого объекта нетипична: «*New possibilities now open for easing tensions, for consolidating security and world peace*», he said, and mentioned specifically the Middle East and Asia (*Daily World*). По существу такие сложные слова не отличаются от образований, в которых компонент, соотношенный с главным словом соответствующего словосочетания, представлен бесспорными существительными (*sky-scraper, trouble-maker*). Существительные, подобные *decision-making*, представляют собой продукт развития атрибутивных именных словосочетаний, таких, как *batch production, steam generation* и т. п.

Помимо этих различий, лежащих, так сказать, на поверхности явлений, попробуем привлечь к дифференциации отглагольного существительного и герундия некоторые особенности оформления агенса при отглагольном существительном и герундии в зависимости от переходного или непереходного глагола, от которого они образованы. В своей статье [1] проф Л. С. Бархударов говорит о том, что в английском языке наряду с номинативными существуют эргативные структуры, в которых, как это характерно для языков эргативного строя, субъект непереходного глагола и объект переходного

имеют одинаковое оформление. В английском языке это наблюдается в структуре именных словосочетаний, т. е. при номинализации предложений, например:

а) при сказуемом исходного предложения, выраженном переходным глаголом:

The girl accepted the proposal.   The acception of the proposal
by the girl.

б) при сказуемом, выраженном непереходным глаголом:

Peter departed.   The departure of Peter.

Адьюнкт отглагольного существительного, семантически соответствующий агенту при номинализации структуры с непереходным глаголом, и адьюнкт, соответствующий объекту при номинализации структуры с переходным глаголом, оформлены одинаково, что типично для эргативного строя.

Посмотрим, может ли это интересное наблюдение проф. Бархударова быть использовано как дифференцирующий признак при разграничении отглагольного существительного и неперфектного герундия действительного залога. Подвергнем номинализации с помощью отглагольного существительного предложения со сказуемыми, выраженными переходными и непереходными глаголами.

The population drank ale.   The drinking of ale by the population.
Birds twittered.   The twittering of birds.

При использовании отглагольных существительных, образованных от переходных и непереходных глаголов, наблюдаются те же закономерности, что и при использовании существительных с другим оформлением (ср.: acception, departure), то есть наблюдаются те же эргативные явления одинакового оформления субъекта непереходного и объекта переходного глагола. При использовании герундия в подобных трансформациях элементы эргативного оформления рассмотренного типа невозможны.

The company closed the dock.   The company's closing the dock.
John came.   John's coming.

Оформление объекта и субъекта в подобных трансформациях принципиально различно.

Мы полагаем, что использование отглагольного существительного в именных словосочетаниях и сложных словах (явление, продуктивное для существительного), а также эргативный характер номинализованных структур с отглагольным существительным при полной невозможности подобного использования для герундия (и причастия I) свидетельствуют о том, что отглагольное существительное и герундий являются единицами языка, имеющими различ-

ную природу. Совпадение же в английском языке разных по внутренней природе образований в какой-то из их форм — одно из проявлений аналитического строя с присущей ему бедностью синтетического оформления слов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархударов Л. С. О некоторых синтаксических явлениях при номинализации (именной трансформации) предложений. — «Филол. науки» 1973, № 6, с. 57—64.
2. Бархударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка. М., «Выш. школа», 1975. 156 с.
3. Бархударов Л. С., Штеллинг Д. А. Грамматика английского языка. М., «Выш. школа», 1973. 424 с.
4. Gordon E. M., Krilova I. P. The English Verbals. М., «Международные отношения», 1973. 216 с.
5. Жигадло В. Н., Иванова И. П., Иофик Л. Л. Современный английский язык. М., Изд-во лит. на иностр. языках, 1956. 350 с.
6. Ильиш Б. А. Строй современного английского языка. Л., «Просвещение», 1971. 366 с.
7. Каушанская В. Л., Ковнер Р. Л. и др. Грамматика английского языка. Л., «Просвещение», 1967. 320 с.
8. Плоткина К. З. О полевой природе существительного в английском языке. — «Филол. науки», 1975, № 4, с. 83—90.
9. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., Изд-во лит. на иностр. языках, 1959. 440 с.
10. Хаймович Б. С., Роговская Б. И. Теоретическая грамматика английского языка. М., «Выш. школа», 1967. 298 с.
11. Belekaya V. D. Modern English Morphology. Изд-во Моск. ун-та, 1966. 57 с.
12. Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. P. V. vol. 4, Copenhagen, 1940.
13. Kruisinga E. A Handbook of Present-Day English. P. II, vol. I, Groningen, 1931.
14. Pence R. W. A Grammar of Present-Day English. N. Y., 1947.
15. Sweet H. A New English Grammar. P. I. Oxford, 1892.

Л. Н. ЧЕРНОВАТЫЙ

О ФОРМИРОВАНИИ НАВЫКА СТРУКТУРНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛЕ

Одним из важнейших аспектов овладения иноязычной речью является навык правильного структурного оформления предложения, умение строить грамматически правильные высказывания.

Наблюдения и тесты, проведенные нами в общеобразовательных средних школах г. Харькова, показали, что навык структурного оформления предложения у большинства учащихся не сформирован. Ученики склонны опираться преимущественно на модели родного языка, где порядок слов относительно свободен, и поэтому строят грамматически неправильные предложения.

Вопросы обучения структурному оформлению предложения разрабатывались в последнее время в ряде исследований (В. С. Бабкина, М. М. Гохлернер, К. Б. Есипович и др.), которые касались

в основном начального этапа обучения, что вполне естественно, так как формирование такого навыка представляется необходимым целенаправленно осуществлять с самого начала обучения иностранному языку в школе. Тем не менее проведение этой работы нельзя ограничивать только начальной ступенью обучения. На наш взгляд, целесообразно продолжить ее и на среднем этапе, в частности, при обучении столь сложному явлению, каким представляется пассив.

Наблюдения и тесты показали, что учащиеся крайне слабо владеют навыком структурного оформления предложения в пассиве, многие не осознают отличия пассива от актива даже в русском языке. При переводе предложений они не обращают внимания на направленность действия, сохраняют структуру русского предложения.

Анализ методических рекомендаций [см. 4] по изучению пассива в VII классе средней школы показал, что при обучении недостаточно последовательно выдерживается психологический принцип необходимости ориентировки для выполнения действия [см. 3]. Это побудило нас попытаться построить программу обучения пассиву в VII классе общеобразовательной средней школы с учетом принципов теории управления усвоением [см. 3]. При обучении мы решили использовать учебную информацию в виде модели страдательного залога и алгоритма его употребления. Эти виды учебной информации, как показывают исследования (П. Я. Гальперин, М. М. Гохлернер), составляют ориентировочную основу действия. Пассив можно рассматривать как часть единой системы залога, то есть оппозиция выглядит следующим образом: ACTIVE VOICE ↔ PASSIVE VOICE. Оба члена оппозиции обладают общим категориальным признаком залога, однако отличаются по способу реализации этой функции. Для большей наглядности указанную бинарную оппозицию можно представить так: $C \rightarrow O$; $O \leftarrow C$, где C — субъект действия; O — объект действия; $\rightleftharpoons$ — действие, направленное на тот или иной член предложения. Анализ представленной оппозиции показывает, что овладение пассивом предполагает осознание учащимися актива и его отличия от пассива. Схема $Q \leftarrow /C/$ является моделью структуры страдательного залога, так как в обобщенном и доступном виде показывает взаимоотношения составляющих ее элементов.

Исходя из особенностей пассива и требований школьной программы можно выделить следующие варианты пассива с точки зрения формальноструктурных характеристик [см. 2]: 1) $N + be + Ven$; 2) $N + be + Ven + by + N$; 3) $N + be + Ven + N$; 4) $N + be + Ven + Inf$, где N — существительное или местоимение; be — глагол to be; Ven — глагол в третьей форме; by — предлог by; Inf — инфинитив. Введение структур в этой последовательности обеспечило соблюдение принципа «одной трудности».

Так как ориентировочная основа действия включает в себя модель явления, т. е. в нашем случае пассива, которую мы уже рассматривали ($O \leftarrow /C/$), и алгоритмическое предписание по выпол-

нению усваиваемого действия, нами был построен алгоритм употребления пассивных конструкций, который выглядел следующим образом.

Чтобы построить пассивную конструкцию, сделай следующее: 1. Поставь объект действия на первое место (The book...). 2. Поставь глагол to be в нужной форме (The book was...). 3. Поставь основной глагол в третьей форме (The book was written...). 4. Если есть субъект действия, присоедини его с помощью предлога by (The book was written by X).

Экспериментальная проверка программы проходила в 107-й школе г. Харькова в феврале — марте 1976 г. Испытуемыми были ученики VII класса, который был разделен на две группы — контрольную и экспериментальную. Группы были составлены таким образом, чтобы обеспечить примерно одинаковый уровень владения языком. Внутри каждой группы было выделено по три подгруппы: I (сильные ученики), II (средние ученики), III (слабые ученики). Сравнение результатов проводилось по группам в целом, по коррелирующим парам и по подгруппам.

В контрольной группе в соответствии с методическими рекомендациями «Книги для учителя» [4] осуществлялось последовательное ситуативное введение структур. При введении первой структуры давалось краткое объяснение сущности пассива и сравнение с родным языком. Работа с каждой структурой проводилась так: а) ситуативное введение структуры с контролем понимания; б) аудирование структуры; в) отработка структуры в имитативных упражнениях; г) отработка структуры в вопросо-ответных упражнениях; д) отработка структуры в ситуативных упражнениях. Так как учащиеся контрольной группы не имели опоры, которая помогла бы предотвратить ошибки структурного порядка, процесс становления навыка носил характер «прилаживания», наблюдалось частое выпадение то вспомогательного, то смыслового глагола, а также неправильный порядок слов. Постепенно, однако, количество ошибок уменьшилось. Тем не менее при смешанных упражнениях, когда использовались все структуры, было еще довольно много ошибок (до 35—40%), хотя при изолированной отработке таких ошибок меньше.

В экспериментальной группе формирование навыка начиналось с усвоения содержания понятий «действие», «объект действия», «субъект действия» и переноса этих понятий на материал английского языка. Этот процесс прошел довольно легко и не вызвал затруднений, за исключением некоторых испытуемых III подгруппы. Затем учащиеся с помощью учителя составили конструирующий алгоритм и перешли к работе с ним. После выполнения ряда упражнений со структурами 1 и 2 отдельные учащиеся стали выполнять действие без опоры на алгоритм.

Работа с каждой структурой в экспериментальной группе велась следующим образом: а) ситуативное введение структуры; б) дифференциация средств выражения пассивности в русском и англ-

лийском языках; в) упражнения с опорой на алгоритм; г) вопросо-ответные упражнения; д) ситуативные упражнения.

При работе со структурами 1 и 2 учащиеся практически не испытывали влияния моделей родного языка. Поэтому этапы работы по алгоритму (громкоречевой, «во внешней речи про себя» и т. д.) занимали небольшие отрезки времени и были практически трудноразграничимаы. Отдельные учащиеся пропускали первый и почти не использовали второй этап, переходя непосредственно к этапу умственного действия. При введении структуры 3 возникли значительные трудности, причина которых заключается в межязыковой интерференции. Если английские структуры 1 и 2 очень сходны с русскими (ср.: *The book was written in 1967.* — Книга написана в 1967 г.), то английская структура 3 отличается от русской в плане выражения (ср.: *He was given an interesting book.* — Ему дали интересную книгу). Такое отличие явилось труднопреодолимой преградой для многих учащихся, которые при употреблении этих структур ориентировались на модели родного языка. Это привело к замедлению темпа выполнения действия, вызвало необходимость полной опоры на алгоритм. Переход к структуре 4 прошел значительно быстрее, практически без помощи алгоритма. Основной массе учащихся I и II подгрупп понадобилось минимальное количество повторений (от 1 до 3), чтобы перейти к употреблению структуры без опоры на алгоритм. Учащимся III подгруппы понадобилось большее количество повторений.

Для определения эффективности обучения был проведен послеэкспериментальный срез в устной и письменной форме. При проведении письменного среза учащимся было предложено перевести на английский язык предложения, содержащие изученные структуры. Во время проведения устного среза учащиеся комментировали действия, которые выполнял учитель, выделяя при этом объект действия. Например, учитель открывал книгу, а ученик комментировал: «*The book was opened*» и т. д. Эффективность обучения определялась по формуле $K = \frac{a}{n}$, где n — количество предъявленных задач; a — количество решенных задач; K — коэффициент усвоения [см. 1]. Коэффициент, равный 0,7, соответствует оценке «3»; 0,8 — «4»; 0,9 — «5». В табл. 1 приведены значения K для групп в целом.

Как видно из табл. 1, уровень усвоения в контрольной группе неудовлетворителен. Однако такая оценка справедлива, лишь если рассматривать группу как нечто однородное, чем она не является. Этот низкий показатель вызван слабым усвоением материала учащимися III подгруппы.

Таблица 1

Группы	K (письменный)	K (устный)
«А» контрольная	0,6	0,67
«Б» (экспериментальная)	0,8	0,8

Однако такая оценка справедлива, лишь если рассматривать группу как нечто однородное, чем она не является. Этот низкий показатель вызван слабым усвоением материала учащимися III подгруппы.

Анализ данных, приведенных в табл. 2, показывает, что в экспериментальной группе результаты по подгруппам не только выше, но и значительно ровнее. В контрольной группе имеются большие расхождения, скажем, во II подгруппе, где результаты письменного среза находятся на достаточном уровне, а при построении предложений в устной речи допускалось значительное количество ошибок. Еще большая разница наблюдается в III подгруппе, где при письменном срезе уровень был необычайно низок, несмотря на большое время, отводимое на выполнение письменного задания.

Таблица 2

Группы	Подгруппы					
	I		II		III	
	$K_{п}$	$K_{у}$	$K_{п}$	$K_{у}$	$K_{п}$	$K_{у}$
«А» контрольная	0,85	0,93	0,79	0,68	0,08	0,52
«Б» (экспериментальная)	1,00	1,00	0,94	0,89	0,51	0,58

Более точно судить о прочности навыка можно было после качественного анализа ответов учащихся при проведении устного среза, во время которого не все учащиеся давали правильные ответы с первой попытки. Некоторые, сделав ошибку, тут же исправляли ее либо давали правильный ответ при повторной попытке. В табл. 3

Таблица 3

Группы	Подгруппы		
	I	II	III
«А» (контрольная)	56/2	80/27	47/33
«Б» (экспериментальная)	75/0	94/6	64/23

приводятся данные по подгруппам (числитель — общее количество правильных ответов, знаменатель — количество правильных ответов, построенных со второй попытки). Они свидетельствуют о том, что навык более прочен в экспериментальной группе.

Анализ результатов среза убедительно показывает преимущество экспериментального обучения, которое проводилось на основе положений теории поэтапного формирования умственных действий. Это преимущество выразилось как количественно, так и качественно, что свидетельствует о большей прочности навыка структурного оформления предложения в пассиве у учащихся экспериментальной группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беспалько В. П. Опыт разработки и использования критериев качества усвоения знаний. — «Сов. педагогика», 1968, № 4, с. 52—69.
2. Булгакова А. М. Обучение грамматическому оформлению высказываний на первом курсе специального вуза с использованием программированного пособия (на материале пассивных конструкций английского языка). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1972, 21 с.
3. Гальперин П. Я., Запорожец А. В., Эльконин Д. Б.

Проблемы формирования знаний и умений у школьников и новые методы обучения в школе. — «Вопр. психологии», 1963, № 5, с. 61—72.

4. Старков А. П., Диксон Р. Р. Книга для учителя к учебнику английского языка для VII класса средней школы. М., «Просвещение», 1972. 207 с.

Л. Н. ЧЕРНОВАТЫЙ

НЕКОТОРЫЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО НАВЫКА

Вопрос об оптимальных условиях формирования грамматического навыка при обучении иностранным языкам является одним из наиболее сложных.

Многолетний отрицательный опыт применения переводно-грамматического метода привел к отказу от правила как основы формирования грамматического навыка. Так, в системе учебников [4] изучению грамматики по правилам противопоставляется овладение грамматическим строем изучаемого языка с помощью типовых предложений-структур. Признавая, что этот метод отражает функциональный характер усвоения грамматической системы родного языка в условиях естественной языковой среды, авторы полагают, что отсутствие такой среды и ограниченность во времени компенсируются строгим отбором языкового материала и тренировкой. Совершенно справедливо указывая на то, что само знание правил еще не обеспечивает практических навыков, авторы отодвигают введение правил до момента, когда в достаточном количестве накоплен языковой материал. Правила и обобщения, по мнению авторов, необходимы не для употребления форм в речи, а для того, чтобы привести в систему накопленный материал.

Однако наблюдения показывают, что в практике преподавания многие не придерживаются предлагаемой методики обучения грамматическим явлениям и часто сообщают учащимся правила при введении нового материала.

В вопросе о роли правила в формировании грамматического навыка мы исходим из положения современной методики о том, что обучение любому виду речевой деятельности протекает гораздо эффективнее, если учащемуся известны правила выполнения действия.

В данной статье мы ограничимся рассмотрением сравнительной эффективности использования модели и алгоритма выполнения действия. Эти виды учебной информации, как показывают исследования П. Я. Гальперина, М. М. Гохлернера и др., составляют ориентировочную основу действия.

Нами был проведен лабораторный эксперимент в одной из школ г. Харькова, целью которого было формирование вопросо-ответных умений в Present Indefinite у учащихся VI классов. Перед экспериментом мы сделали контрольный срез (устный и письменный) для определения исходного уровня вопросо-ответных умений учащихся. Результаты среза анализировались со следующих точек зрения: а) соотношение количества ошибок в устных и письменных работах; б) количество ошибок в структуре предложения (нарушение порядка слов); в) удельный вес ошибок в употреблении глаголов to be,

to have, to do; г) влияние структуры предложения вопроса на структуру предложения ответа.

Анализ результатов среза показал, что у испытуемых практически отсутствовало умение ставить вопросы и отвечать на них. В работах почти не было правильно построенных вопросов. Наличие небольшого количества правильных ответов объясняется, на наш взгляд, тем, что эти ответы (типа *My name is X*) хорошо отрабатаны учащимися на занятиях.

При построении общих вопросов наблюдалось сохранение структуры утвердительного предложения. Как и в родном языке, вопрос передавался интонацией, а на письме — постановкой вопросительного значка. Влиянием родного языка объясняется и частое опускание глагола-связки, а также отсутствие вспомогательных глаголов в вопросительных конструкциях.

Столь же распространенный характер имели и ошибки в структуре всех типов предложений. В устных ответах наблюдалось сильное влияние структуры вопроса на структуру ответа. В результате ответ часто начинался с того же слова, что и вопрос, часто в ответе повторялось и вопросительное слово. Построение ответа требовало таких значительных усилий, что в середине предложения испытуемый часто забывал его начало.

Анализ ошибок показал, что основной их причиной является интерференция родного языка и отсутствие достаточной ориентировки испытуемых в структуре английского предложения. У испытуемых не были сформированы вопросо-ответные умения, отсутствовали достаточно четкие представления о структуре английского предложения и формах глаголов *to be, to have, to do*. Результаты среза подтвердили, что при отсутствии достаточных указаний и ориентиров учащихся вынужден искать эти ориентиры самостоятельно, а в этих условиях многие избирают в качестве ориентиров модели родного языка.

Для решения задачи исследования, заключающейся, как указано выше, в определении оптимальных условий и методов учебной информации, было проведено опытное обучение, которое основывалось на некоторых положениях теории поэтапного формирования умственных действий [см. 2]. До начала обучения была выделена ориентировочная основа действия. Для этого проведен анализ структуры предложения. На основании его нами были получены модели каждого типа предложения. Эти модели составили первый компонент ориентировочной основы действия [см. 1].

Утвердительное предложение. Вслед за М. М. Гохлернером [см. 3] мы считаем наиболее общей моделью предложения формулу *SPv*, где *S* — подлежащее; *P* — сказуемое; *v* — глагол. Остальные члены предложения относились к классу второстепенных.

Вопросительное и отрицательное предложение. По способу образования вопросительные и отрицательные предложения можно разделить на два типа (в зависимости от того, каким глаголом выражено сказуемое) и представить эти типы вопросительных струк-

тур следующей оппозицией (структуры с модальными глаголами, которые не входят в программу обучения на данном этапе, не рассматривались): *TO BE, TO HAVE* ↔ остальные глаголы.

Исходя из этой оппозиции, мы разработали учебный алгоритм преобразования утвердительной конструкции в вопросительную. Он составлен второй компонент ориентировочной основы действия [см. 1] и выглядел следующим образом.

Чтобы поставить вопрос к утвердительному предложению:

1. Определи, выражено ли сказуемое глаголом *to be (to have)*.

Да.

Нет.

2. Поставь сказуемое перед подлежащим (*Is Lena a pioneer?*).

Поставь на первое место вспомогательный глагол *to do* в нужной форме (*Do you go to school?*).

Из приведенных выше оппозиций и алгоритма ясно, что приобретение вопросо-ответных умений предполагает владение формами глаголов *to be, to have, to do*. Поэтому мы провели анализ этих форм, в результате которого были выделены их общие и различительные признаки (см. таблицу).

На основании этих признаков нами были выделены схемы логической структуры глаголов *to be, to have, to do*, которые представлены ниже.

AM

Глагол *to be*: $\begin{matrix} \updownarrow \\ \text{IS} \end{matrix} \leftrightarrow ARE$, где формы *am* и *is* и форма *are* —

оппозиция в плане категории числа, а *am* и *is* — оппозиция в плане категории лица.

HAVE HAS

Глаголы *to have, to do*: $\begin{matrix} \leftrightarrow \\ \text{DO} \quad \text{DOES} \end{matrix}$, где формы *have* и *do*

Глагол	Число		Лицо		
	ед.	мн.	1-е ед.	3-е ед.	остальные
TO BE AM IS ARE	+	—	+	—	—
	+	—	—	+	—
	—	+	—	—	+
TO HAVE HAVE HAS	+	+	+	—	+
	+	—	—	+	—
TO DO DO DOES	+	+	+	—	+
	+	—	—	+	—

и формы *has* и *does* — оппозиция в плане категории лица, что не совсем отражает характер их отношений. В действительности оппозиция может быть выражена следующим образом: 3-е лицо ед. числа — не 3-е лицо ед. числа.

Исходя из схем логической структуры глаголов *to be, to have, to do* были разработаны алгоритмы выбора форм этих глаголов.

Алгоритм выбора форм

мы глагола to be. Чтобы правильно выбрать форму глагола to be:

1. Определи, в каком числе подлежащее.

В ед. числе.

Во мн. числе.

Употреби форму are (The books are on the table).

2. В каком лице? В 1-м.

В 3-м.

3. Употреби am (I am a pioneer). Употреби is (Lena is a pupil).

Алгоритм выбора формы глаголов to have, to do. Чтобы правильно выбрать форму глагола to have (to do):

1. Определи, выражено ли подлежащее существительным или местоимением в 3-м лице ед. числа.

Да.

Нет.

2. Употреби has (does) (He has a book).

Употреби have (do) (I have a book).

Как уже указывалось, схемы модели структуры предложения и глаголов to be, to have, to do, а также разработанные нами алгоритмы составили ориентировочную основу действия. С целью определения эффективности использования этих типов учебной информации нами было проведено экспериментальное обучение. Испытуемые были разделены на две группы. В контрольной — обучение велось по грамматическим структурам [см. 4]. Обобщение и выведение правила проводились в конце каждого занятия. В экспериментальной — формирование вопросо-ответных умений осуществлялось поэтапно: I этап — ознакомление со схемой-моделью и алгоритмом выполнения действия; II — выполнение действия с опорой на алгоритм или схему; III — громкоречевой этап; IV — выполнение действия без внешней опоры, в свернутом виде.

На первом занятии производились дифференциация форм глаголов to be, to have и формирование вопросо-ответных умений на материале предложений с этими глаголами. Учащимся экспериментальной группы были сообщены соответствующие алгоритмы, а при изучении структуры предложения по примеру проведенных исследований [см. 3] использовались предметные схемы, на которых каждый член предложения обозначался особым значком. На первом занятии рассматривались только предложения со сказуемым, выраженным глаголами to be, to have. На схеме сказуемое выделялось красным цветом. Испытуемые вписывали в карточки слова и строили из них предложения. Прослушав примеры образования вопросительной структуры, ученики самостоятельно выводили правило образования вопроса, перемещая сказуемое на первое место. Алгоритм образования вопросительной структуры на этом этапе не давался, так как предметной схемы оказалось вполне достаточно. Выполнив определенное количество упражнений с опорой на схему, испытуемые легко перешли к выполнению упражнений без внешней опоры.

У учащихся контрольной группы постановка общих вопросов

к предложениям с глаголами to be, to have также не вызывала особых затруднений. К концу первого занятия испытуемые обеих групп примерно с одинаковым успехом ставили вопросы и отвечали на них. Отсроченная проверка обнаружила некоторое преимущество испытуемых экспериментальной группы в построении вопросов.

При введении общих вопросов со вспомогательными глаголами у испытуемых контрольной группы наблюдалось значительное снижение количества правильных ответов, что объясняется влиянием способа образования общего вопроса с глаголами to be, to have. В экспериментальной группе в предметную схему вводился дополнительный символ, обозначающий сказуемое, выраженное смысловым глаголом, и символ, обозначающий вспомогательный глагол to do. После знакомства с образованием вопроса этого типа учащимся экспериментальной группы давался алгоритм преобразования утвердительной конструкции в вопросительную. При этом наблюдалось замедление темпа речи, но количество ошибок не увеличилось благодаря наличию опоры. К концу занятия наметилось относительное уравнивание качества ответов испытуемых обеих групп, с некоторым преимуществом в экспериментальной группе. Отсроченная проверка подтвердила это преимущество: учащиеся фактически не делали ошибок в построении вопросов и ответов. У испытуемых контрольной группы задание вызвало значительные затруднения и отрицательные эмоции, в результате чего пришлось прибегнуть к подсказкам непосредственно во время его выполнения, однако в ответах на вопросы чувствовалось сильное влияние вопросительной структуры.

Овладение специальными вопросами с вопросительными словами what, where, when не составило особых трудностей как в контрольной, так и в экспериментальной группе. Это объясняется, очевидно, тем, что операционный состав действия в этом случае принципиально не отличается от состава операций по постановке общего вопроса.

Послеэкспериментальный срез, проводившийся в письменной и устной форме, показал, что в письменных работах при постановке общих вопросов к утвердительным предложениям количество ошибок испытуемых в контрольной группе в 3 раза превысило количество ошибок в экспериментальной группе. При постановке специальных вопросов и при ответах на них учащиеся контрольной группы делали в 2 раза больше ошибок, чем учащиеся экспериментальной группы. В устной речи преимущество экспериментальной группы менее заметно. В контрольной группе наблюдался несколько более высокий темп речи, но часто первый ответ был неверным. При повторной попытке ошибки в большинстве случаев исправлялись. В экспериментальной группе темп речи несколько ниже по сравнению с контрольной. Это объясняется тем, что у испытуемых экспериментальной группы, как было установлено, несколько ниже усредненный показатель речевой реакции. Ошибки допускались реже и при повторных попытках исправлялись в 100% случаев.

Результаты эксперимента позволяют сделать следующие выводы:

1. Опытное обучение показало преимущество испытуемых экспериментальной группы по сравнению с испытуемыми контрольной группы. Оно выразилось как в общем количестве, так и в качестве правильных ответов, что свидетельствует о большей прочности навыка.
2. При обучении структурному оформлению предложения введение информации в виде модели и алгоритма повышает эффективность обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова Е. И. К вопросу об организации ориентировки учащихся при обучении иностранному языку.— «Иностр. языки в школе», 1974, № 2, с. 53—60.
2. Гальперин П. Я., Запорожец А. В., Эльконин Д. Б. Проблемы формирования знаний и умений у школьников и новые методы обучения в школе.— «Вопр. психологии», 1963, № 5, с. 61—72.
3. Гохлернер М. М. Поэтапное формирование грамматических механизмов речи на иностранном языке.— В кн.: Психологические механизмы усвоения грамматики родного и иностранного языков. Изд-во Моск. ун-та, 1972, с. 107—219.
4. Старков А. П., Диксон Р. Р., Старкова З. В. Комплекс учебников английского языка для V—X классов средней школы. М., «Просвещение», 1969—1975.

Л. В. ШАЙХАНУРОВА

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЧАСТИЯ II В АРЕАЛЬНЫХ ПОДСИСТЕМАХ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (Предикативное причастие)

Рассматривая функциональное использование причастия II в ареальных подязыках современного английского языка, следует отдельно остановиться на употреблении его в качестве предикативного члена (например: *The door is shut; She became involved*) прежде всего потому, что употребление причастия II в первом случае не имеет однозначного толкования и является объектом непрекращающихся дискуссий.

Существуют различные взгляды на причастие II со значением состояния. Можно выделить три основных точки зрения на природу подобных образований.

1. Сочетание *be + Ven* — омоним страдательной формы. Исторически это мотивировано тем, что форма страдательного залога образовалась на основе сочетания *be (beon)* и причастия II [см. 7]. Большинство исследователей разграничивают глагол в страдательном залоге и свободное синтаксическое сочетание связочного глагола *be + Ven* (составное сказуемое) [см. 5; 6; 9; 11; 12; 13; 14]. Так, Б. С. Хаймович и Б. И. Роговская в своей книге [13], рассматривая группу *is fulfilled* в предложении *His duty is fulfilled*, доказывают, что эта группа не может рассматриваться как пассивный противочлен *fulfils*, поскольку: а) оно выражает не действие, а состояние как результат действия; б) предложение соответствует скорее *He has fulfilled his duty*, чем *He fulfils his duty*, так как перфект-

ное значение причастия II отчетливо проявляется; в) как показал еще А. И. Смирницкий, предложение *The table is made of wood* не имеет соответствующего трансформации с активным значением; д) сочинительная связь причастия II с прилагательным в *I was concealed and motionless* доказывает его сочетаемость с глаголом-связкой *be*.

2. *Be + Ven* во всех случаях рассматривается как аналитическая форма пассива. Так, Л. С. Бархударов, Д. А. [Штелинг [см. 1] и другие советские лингвисты и представители английской классической грамматики, противопоставляя «пассив действия» и «пассив состояния», отмечают разные значения одной и той же материальной формы [см. 3; 4; 5; 10; 15]. Близкую точку зрения высказывает М. М. Болдырева [см. 2], которая рассматривает сочетание *be + Ven* со статическим значением в качестве особой разновидности страдательного залога, не указывая, впрочем, категориального статуса этого образования. Д. А. Штелинг и Г. Н. Воронцова, не признавая существования *be + Ven* как составного именного сказуемого, считают также и сочетания различных связочных глаголов с причастием II аналитическими формами страдательного залога.

3. На принципиально иных позициях стоит В. Я. Плоткин, который утверждает, что все сочетания *be + Ven* имеют связочно-предикативный характер. Автор утверждает, что постулирование омонимии *be + Ven* (аналитического сочетания пассива) и *be + Ven* (связочно-предикативного сочетания с причастием II) вызывает трудности практического и теоретического характера. Первые связаны с необходимостью разработки четкой процедуры различения омонимов, а удовлетворительного решения этой проблемы не найдено до сих пор ввиду теснейшего переплетения значений действия и состояния. Вторые вытекают из того, что омонимы в языках всегда разведены своими значениями и употреблениями на такое расстояние, которое сводит к минимуму вероятность их коллизии в речи. Если же различение омонимов становится трудной задачей, следует «усомниться в адекватности самих описаний». Далее В. Я. Плоткин подчеркивает, что значение действия не исключает тесно с ним связанного значения состояния и что как в *Dinner is served*, так и в *Dinner is being served* сообщается о состоянии обеда, только во втором предложении действие выступает как предпосылка состояния и никакой коллизии двух значений (действия и состояния) не происходит. В конечном итоге автор приходит к выводу о том, что необязательно и контекстуальная обусловленность значения действия в рассматриваемом сочетании препятствуют его отнесению к элементам глагольной парадигмы и что создание новой глагольной категории залога не стало необходимостью и такая категория не возникла на протяжении всей истории английского языка [см. 8, с. 102, 103, 104].

Можно привести ряд аргументов в противовес этой точке зрения. В. Я. Плоткин утверждает, что причастие II выходит из поля глагола и втягивается в поле прилагательного, а следовательно,

и сочетание *be + Ven* не может быть отнесено к элементам глагольной парадигмы. Но ведь причастие II имеет глагольные свойства, которые четко проявляются в его: а) семантике; б) комбинаторике (сочетания с наречиями, с существительными в значении объекта — *written carefully, given no time to think it over, he...*); в) в функциональном употреблении (*as if frightened*). Именно «глагольность» причастия II обуславливает семантическое разнообразие наречий в сочетании «наречие + причастие II». Оно образует тесно спаянную единицу, которая может выражать гораздо более сложные связи, чем связи прилагательного с определяющим его словом. Т. А. Снегирева приводит пример: *negatively prefixed forms = forms which have a negative prefix*. С позиций чисто синтаксической интерпретации страдательного залога образования типа *having been written*, т. е. страдательные формы нефинитных глаголов, трудно истолковать и они выпадают из системы.

Как уже упоминалось, автор считает, что высказывание *Dinner is being served* сообщает о состоянии обеда, обусловленном действием. Но во-первых, все длительные формы всегда употреблялись для выражения процесса, а не состояния, во-вторых, длительные формы для глаголов-связок — не характерное явление, они, скорее, употребляются для подчеркивания «преходящести», с особой стилистической целью (*You are being frank*). Формы же *be + Ven* регулярны и системны.

Сочетание *be + Ven* (в отличие от аналитической формы страдательного залога) характеризуется употреблением с ограниченным семантическим кругом причастий.

Мы придерживаемся точки зрения большинства ангlistов на существование двух омонимичных сочетаний *be + Ven*, одним из которых является интересующее нас синтаксическое свободное сочетание (составное именное сказуемое). Предикативный член как смысловой центр составного именного сказуемого может выражать состояние. В этом значении выступает причастие II, которое может указывать на состояние лица или предмета, возникшее в результате совершенного действия. Исходя из этого рассмотрим употребление причастия II

Таблица 1

Распределение причастия II в ареальных подсистемах (функциональная характеристика)

Функция и модель словосочетания	БА, %	АА, %	АвА, %
Препозитивное определение <i>Ven N</i>	17,6	28,9	22,7
Постпозитивное определение <i>N Ven</i>	39,6	34,9	41,4
Предикативный член <i>be Ven</i>	31,5	29,6	28,2
Вторичный предикатив в конструкции <i>Ns Ven</i>	9,6	5,9	7,1
Обособленное обстоятельство: времени <i>when Ven</i>	0,4	0,2	—
условия <i>if Ven</i>	0,4	0,3	0,4
уступки <i>though Ven</i>	0,1	0,2	—
образа действия <i>thus as Ven</i>	0,5	—	—
сравнения <i>as though Ven</i>	0,3	—	0,2

в трех ареальных подсистемах: БА — британской, АА — американской и АВА — австралийской (см. табл. 1).

Из данных таблицы 1, полученных путем сопоставительного анализа фактического материала (по 1 тыс. примеров причастия II из каждого ареального подязыка, собранных путем сплошной выборки из современной художественной прозы), видно, что в плане частотности функция предикативного члена причастия II идет за функцией постпозитивного определения, причем удельный вес предикативной функции не обнаруживает значительных расхождений в данных ареальных подязыках. Иное распределение предикативного причастия II в данных ареальных подсистемах обнаруживает анализ использования его с разными связочными глаголами. Поэтому интересно проследить использование причастия II с различными семаклассами связочных глаголов и с конкретными глаголами, особенно *get*, *become*.

Таблица 2 подтверждает тот факт, что *be* является наиболее типичным связочным глаголом (более 50% причастий II связаны с этим глаголом во всех рассматриваемых подсистемах), однако самый высокий процент наблюдается в АВА (65,1%), самый низкий — в БА (55%).

Со связками «становления» (*becoming*) наибольший процент причастия II сочетается в БА (13%), наименьший — в АВА (8,3%), в АА — приближается к сочетанию в БА (12,5%). Сочетание причастия II со связочным глаголом *get* обнаруживает примерно одинаковую частотность в БА (10%) и в АА (9,4%), тогда как в АВА она наблюдается примерно в 2 раза реже. С глаголом-связкой *become* причастие II сочетается сравнительно редко во всех трех подязыках, но наибольшие расхождения — между БА (3%) и АВА (0,7%). Почти в 2 раза реже, чем в БА, встречается причастие II с этой связкой в АА (1,7%). Сочетаний причастий II со связкой *grow* в БА мы не обнаружили. Сравнительно низкий процент их в АА и АВА (1,4 и 1,8% соответственно).

Таблица 2
Сочетаемость причастия II с различными семаклассами глаголов

Связка		БА, %	АА, %	АВА, %
наличия <i>being</i>	<i>be</i>	55,0	58,7	65,1
	<i>feel</i>	2,0	4,6	4,6
становления <i>becoming</i>	<i>get</i>	10,0	9,4	5,8
	<i>become</i>	3,0	1,7	0,7
	<i>grow</i>	—	1,4	1,8
сохранения <i>remaining</i>	<i>remain</i>	1,0	—	0,4
	<i>keep</i>	—	0,3	0,4
кажмости <i>seeming</i>	<i>seem</i>	5,5	3,3	0,4
	<i>look</i>	11,4	7,7	4,4
	<i>appear</i>	0,4	—	—
другие	<i>lie</i>	2,4	0,6	6,8
	<i>stand</i>	1,0	1,1	3,5
	<i>sit</i>	0,4	1,4	2,2
	<i>sound</i>	0,4	3,1	0,7
	<i>others</i>	7,5	6,7	3,2

Не представляет особого интереса сочетаемость причастия II со связками «сохранения» и с «модальными» связками кажимости (seeming), за исключением связочного глагола look, с которым значительное число причастий II встречается в БА (11,4%) и АА (7,7%), гораздо меньше — в АВА (4,4%). Ограничивает их сочетаемость семантическая характеристика данных глаголов-связок и причастий II.

Интересно отметить, что по частотности сочетаемость причастий II со знаменательными глаголами-связками уступает лишь сочетаемости с так называемыми «чистыми» связками в рассматриваемых подязыках (за исключением ВА), т. е. наблюдается довольно высокий процент таких сочетаний (БА — 11,7%, АА — 12,9%, АВА — 16,4%). В АВА было обнаружено наибольшее число сочетаний причастия II с глаголом-связкой lie (6,8%).

Дальнейшее тщательное исследование семантики и сочетаемости причастия II на большем фактическом материале поможет дать ответ на многие вопросы относительно его природы и статуса в современном английском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархударов Л. С., Штелинг Д. А. Грамматика английского языка. М., «Выш. школа», 1963. 427 с.
2. Болдырева М. М. Сочетание to be + причастие II со значением результативного состояния в современном английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1971. 25 с.
3. Винокурова А. А. Пассивные конструкции в современном английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1973. 23 с.
4. Воронцова Г. Н. Очерки по грамматике английского языка. М., «Выш. школа», 1960. 399 с.
5. Гордон Е. М., Крылова И. П. Грамматика современного английского языка. М., «Выш. школа», 1974. 331 с.
6. Жигадло В. Н., Иванова И. П., Иофик Л. Л. Современный английский язык. М., Изд-во лит. на иностр. языках, 1965. 350 с.
7. Корнеева Е. А., Кобрина Н. А. и др. Пособие по морфологии английского языка. М., «Выш. школа», 1974. 230 с.
8. Плоткид В. Я. Грамматические системы в английском языке. Кишинев, «Штиинца», 1975. 126 с.
9. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., Изд-во лит. на иностр. языках, 1959. 440 с.
10. Штелинг Д. А. Парадигматика и синтагматика категории залога. — «Иностр. языки в школе», 1976, № 4, с. 11.
11. Соннер J. E. A Grammar of Standard English. N. Y., Atlanta, 1968. 226 p.
12. Hathaway B. A. Transformational Syntax. N. Y., 1967. 315 p.
13. Khaïmovich B. S., Rogovskaya B. I. A Course in English Grammar. M., Higher School, 1967. 298 p.
14. Palmer F. R. A Linguistic Study of the English Verb. London, Longmans, 1965. 199 p.
15. Quirk R., Greenbaum S., Leech G. a. o. A Grammar of Contemporary English. London, Longman Group, 1972. 1119 p.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Аксенова Н. В., Безуглый В. И. Программированные упражнения и управление процессом обучения иностранному языку	3
Акуленко Л. Г. Семантические системы неопределенно большого и малого количеств в немецком и русском языках (Сопоставительный анализ)	7
Бейдер Е. И. К вопросу о раскрытии значений языковых единиц через контекст	13
Головань В. И. Некоторые семантические и коммуникативные особенности субъекта в английском языке XV века	16
Гришко Н. Н. Использование гармонического анализатора для автоматизированного контроля произношения гласных при обучении английскому языку	20
Ещенко Ю. Ф. Об анафорических местоимениях в современном английском языке	24
Зиновьева В. Л. Двухобъектные глаголы в подъязыках газетной хроники, диалога, авторской речи, поэзии и математики	28
Каравашкин В. И. О некоторых композитивных закономерностях	31
Левина М. Д., Тимофеева А. И. О формировании терминологической лексики путем метафорического переноса наименований на основе сходства по форме	36
Липко З. Н. К характеристике существительных-антецедентов личных местоимений (на материале пяти подъязыков)	39
Липко З. Н. Некоторые дистрибутивные характеристики английских глаголов (на материале пяти подъязыков)	42
Молодец В. Н. Классификация синонимов русских и немецких лингвистических терминов по их структуре	44
Навальная С. Т. О номинативных и вербальных свойствах инфинитива и герундия	51
Непомнящая Э. А. Некоторые вопросы мотивации учебной деятельности в условиях профессионально-ориентированного обучения	54
Попова Т. Г. Повтор как стилистическое средство выражения эмоций (на материале пьесы Ж. Жироду «Троянской войны не будет»)	58
Потапова Ж. Е. О стилистическом аспекте изучения обособленного предложения	64
Сидоров О. В. Структурно-семантическая характеристика прилагательных типа blaüugig, krähengesichtig, viereckig	68
Тарасова Е. В. Грамматико-лексическое поле как единица сопоставительного ареального анализа	71
Тимошенкова Т. М. О синонимии на уровне форм предложения	76
Ткаченко Ю. М. Синтаксический статус субстантивного адъюкта английского глагола	80
Филина Н. Ю. К проблеме дифференциации отглагольного существительного и герундия в современном английском языке	85
Черноватый Л. Н. О формировании навыка структурного оформления предложения на среднем этапе обучения английскому языку в школе	90
Черноватый Л. Н. Некоторые условия формирования грамматического навыка	95
Шайханурова Л. В. Функциональное использование причастия II в ареальных подсистемах современного английского языка	100

УДБ-14